

Вырезка из газеты

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

№

21 ИЮЛ 1982

г. Москва

Наиболее отчетливо голос этого писателя прозвучал в 1967 году, когда на страницах «Юности» появилась повесть «Пять дней отдыха». Ее герой Алексей Казанцев, молодой солдат блокадного Ленинграда, прилеп к себе внимание мужеством и необычайной душевной щедростью. Эта повесть о любви, торжествующей над разрухой, голодом и смертью, быстро завоевала читателя, шагнула на зритель, на сцены многих театров страны. Затем

торах», которые я слышал в детстве и юности, живя на Урале, в Липецке и других индустриальных городах. И было среди них одно легендарное имя — имя человека, ныне здравствующего. Его дела на посту директора крупного завода обросли такими невероятными подробностями, что пролить свет на истинное положение дел мог только он сам.

но, вызвал довольно острую реакцию читателей. Что бы вы хотели сказать по этому поводу?

— Реакция эта во многом была для меня неожиданной. Спор разгорелся не вокруг фигуры главного героя, а вокруг описанной в романе ситуации, когда под видом так называемой «коллективной науки» идет откровенный грабеж идей. Приведу читательское письмо: «Я всегда воспринимала труд ученых как союз творческих работников. Но, видимо, должность зав. лабораторией исследовательского института рассчитана исключительно на порядочного человека. Ваш Укладников такой, и вокруг него настоящая

показать момент перехода от пассивности к активному началу. Одна из молодых героинь, всецело поглощенная наукой, делает лишь первые шаги на пути своего гражданского самосознания. Эти шаги даются ей нелегко, но, будучи по натуре человеком глубоко порядочным, имея перед собой примеры Ремеза и Укладникова, она пытается отстоять свои научные и нравственные принципы.

талант, если он был. И если ложное оставляет после себя клан, он распадаётся, когда уходит глава, потому что он не объединен цементирующей, связующей идеей. А на месте истинного остается школа, остаются ученики, продолжатели дела, потому что это дело подлинное.

Если говорить о будущем — работаю над романом, условное название которого «Радо-сти земные». Это история семьи с 1948 года до наших дней. Ее глава, Василий Лемехов, — счастливый человек, отдающий всего себя людям, их благу, их судьбам. Он прошел войну, был ранен, но сохранил оптимизм и желание приносить добро. Непросто отношение его детей к поступкам отца, порой это непонимание, даже осуждение, порой восхищение безграничной щедростью его души. Сейчас, наверно, не стоит подробно об этом говорить...

— Чем объясняется ваша приверженность современной теме?

— Что же ответить? Для меня прошлое — факт свершившийся, то, что мы прожили, что подвергается анализу. Будущее — это мечта, замысел. Настоящее — та граница, где встречается, сталкивается прошлое с будущим, та сценическая площадка, на которой разыгрываются драмы. По моему мнению, это столкновение прошлого с будущим наиболее интересно. Занимаясь последние десять лет темой современности, попадаю как бы в «зону повышенной опасности», и не только потому, что читатель легко может свернуть то, что у тебя написано, но с тем, что происходит в реальной жизни: нужно суметь разобраться в грудах накопленного материала, осмыслить его, а затем постараться убедить читателя в своей правоте. Я с большим уважением отношусь к тем, кто занимается исторической или какими-то другими темами, но для меня главное — современность.

Беседу вел
Т. АРХАНГЕЛЬСКАЯ

Иосиф ГЕРАСИМОВ:

Ш И Ш У

О ЧЕЛОВЕКЕ ДЕЛА

появился роман «Туда и обратно». И опять в нем — молодой солдат, во многом похожий на Казанцева, прибывший после победы над фашистской Германией с Запада на Восток. На другую войну... Об Иосифе Герасимове стало укрепляться мнение как о писателе ВОЕННОМ. Но затем в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь» появились одна за другой остропроблемные повести. О них много спорили, их экранизировали. Чувствовалось — писатель ищет свою тему, ищет ее в бурных событиях наших дней. «Пуск», «Остановка», «Старые долги» — единый цикл повестей, составивший книгу «Миг единый». В каждой из них герои — наши современники. Как правило, автор ставит их в трудные, порой экстремальные ситуации, чтобы выявить их нравственные позиции, отношение к жизни, к людям.

Прошло сравнительно немного времени с тех пор, как мы познакомимся с романом «Предел возможного». Его главный герой, «Железный директор» Игнат Ремез — характер крупный, сложный, притягательный — стал объектом многих рецензий, статей, дискуссий. А что думает по поводу созданного им персонажа сам автор?

— Нет, пожалуй, ни одного крупного русского писателя XIX века, который не пытался бы нарисовать в своих произведениях фигуру делового человека. И вот что, на мой взгляд, интересно: с какой бы объективностью ни старались подходить к его созданию писатели, этот герой нес в себе наряду с запрограммированными положительными свойствами нечто настолько неприятное, что почти никогда не вызывал симпатии и не мог служить примером для подражания, как бы ни хотелось этого его творцу. В чем же причина? Я раздумывал об этом сам. Беседовал с психологами — видимо, сказывается традиционная внутренняя неприязнь человека творческого, человека искусства к человеку-прагматику, точно знающему, что и как следует делать. Отсюда и холодность, даже некоторая жестокость таких персонажей, являющихся антиподом мечущимся, страдающим, добрым, мягким и бездейственным людям.

В наше время было создано немало образов директоров, руководителей предприятий, которые двигают вперед промышленность, технику и науку. Мой Игнат Матвеевич возник из рассказов о «военных дирек-

Мне с огромным трудом удалось разыскать его и добиться аудиенции — он не принимал никого из представителей прессы или литераторов. Мы много беседовали, но ключом к образу для меня послужила одна его фраза: «В войну начисто отсутствовал бюрократизм. Решения принимались и выполнялись мгновенно, и вся наша жизнь состояла из поступков».

Вот тогда мне захотелось написать такой характер, который всегда был бы действием, каждый шаг которого отмечался бы весомым поступком.

— Как восприняли читатели явление Ремеза?

— До сих пор получаю много писем. Звонят по телефону, называют фамилии разных «военных директоров», гадают — тот ли... Приятно сознавать, что Игнат Ремез может кем-то восприниматься как реально существующий человек, но мне хотелось, чтобы, говоря о Ремезе, еще и еще раз отдали должное тем, кто в нечеловечески тяжелых условиях военного времени давал фронту технику для победы над врагом.

Сейчас в критике частенько раздаются голоса, что проблема человека дела осталась в семидесятых, она исчерпала себя, к ней утрачен интерес... Он и будет утрачен до тех пор, пока перед нами не явится герой в новом, неожиданном и более объемном освещении. А то, что он явится, у меня сомнений нет, ибо вопреки прогнозам, поиски и исследования человека-дела продолжают. Они столь же трудны, сколь и увлекательны и неизбежно должны дать результаты.

— Вслед за «Пределом возможного» вышел роман «Эффект положения». Вместе они составляют диалог, и не только потому, что герои одного «переночевали» в другой, но и потому, что их связывает идея постоянного поиска, идея фанатичного упорства в достижении поставленной цели. Да и характеры Ремеза и Укладникова во многом схожи — и недаром один помогает другому в безвыходном, казалось, положении, и молодой ученый продолжает свое дело, продолжает борьбу за истинную науку и человеческое достоинство. Роман этот, как нам извест-

наука. Но если завлаб — деляга, прикрывающийся интеллигентными фразами, то подлинная наука невозможна, остается ее суррогат. Вот и получается, что более серьезного тормоза для прогресса науки, чем поддобные «деятели», нет. Инженер Н. Елисеева, Свердловск». Тема эта в нашей литературе отнюдь не нова — вспомним книги Каверина, Гранина, И. Грековой и других писателей. — но, к огромному сожалению, актуальность ее остается прежней. Роман, как мне известно, бурно обсуждался не только в среде биологов, но и среди гуманитариев, технической интеллигенции, в разного рода НИИ...

Во время Всесоюзной творческой конференции в Харькове, которая была на редкость удачной и плодотворной, прошел ряд напряженных дискуссий с крупными учеными. Один из них заявил, что надоело читать «диссертационную литературу», и призвал писать о результатах, которых ныне достигла наука. Я позволил себе не согласиться с этим мнением, так как задача писателя — показывать своих героев в динамике, в развитии, раскрывая их нравственную сущность.

Не странно, что сейчас много пишут о людях-науки. Мы смотрим на ученых с надеждой, что они дадут нам освобождение от преград, тормозящих прогресс. А когда надежды не сбываются, приходит разочарование. И часто даже не само произведение писателя, а жизненные ситуации превращают роман в диспут по той или иной проблеме современности.

В «Эффекте положения» наряду с другими важными для меня вещами хотелось показать, как социально инертный человек под влиянием обстоятельств постепенно проявляет твердость характера, хотелось

— Не появилось ли у вас желание заняться иной темой — другими словами, жить более спокойной жизнью?

— Нет не появилось. Новый роман, рукопись которого принял журнал «Новый мир», называется «Время сыновей». В нем действуют люди нескольких поколений: крупный ученый Кордин, инженер-технолог Антон Дубцов, сыновья Кордина... Мне хотелось поразмышлять над тем, что в повседневной жизни подчас не просто отличить истинное от ложного, подлинное от мнимого. В самом деле, разве вам не приходилось наблюдать, как личность, занимающаяся саморекламой, обретает волевое начало, твердость, добивается степеней, званий?

Человеку, поглощенному настоящим делом, некогда заботиться обо всем этом, ему надо успеть сделать то, что задумано, то, что, кроме него, не сделает никто иной. А когда наступает время подводить итоги, выясняется, что на месте ложного остается пустыня, земля, выжженная интригами, сплетнями, сведением счетов, борьбой за восхождение к благам, на это ушли силы, ушел